

— Шэнь Цин, что ты делаешь?! — Лу Тяньмин подбежал к краю каменной пещеры и с первого взгляда увидел бледного Шэнь Цина и самку, прятаящуюся за его спиной.

— Отойди подальше! — та самка прошипела, угрожая Лу Тяньмину. — Я ни за что не позволю тебе причинить вред ребёнку Молии!

— Он не причинит мне вреда, он хороший человек! — попытался убедить её Шэнь Цин, но в его голосе невольно прозвучала слабость. Почему? Почему эта самка говорит, что Лу Тяньмин был на том корабле?

— Не хороший, он не хороший! Он — сатана в человеческой шкуре, он хозяин Корабля дьявола, под ногами которого — море, окрашенное в ярко-алый цвет! — завизжала самка, вцепившись в Шэнь Цина и прижавшись к его уху. — Он убил твою маму!

Сердце Шэнь Цина, казалось, на мгновение замерло. Он смотрел, как Лу Тяньмин бежит к нему, а самка с пронзительным криком резко развернулась и нырнула в глубину пещерных вод, всё ещё вопя:

— Убийца, демон!

— Что с тобой? Шэнь Цин, ты в порядке?

Лу Тяньмин шагнул в воду, пытаясь помочь ему подняться с отмели.

Голова Шэнь Цина адски болела, он не мог сдержать стон, пошатнулся и опустился на одно колено в воде. На его руке остались кровавые царапины от когтей самки. Голова болела, болела невыносимо сильно, будто её пронзили острым лезвием, которое теперь яростно крутили внутри.

Кроваво-красное бушующее море, кровавая пена на поверхности, разорванная плоть, плавающая в воде, развороченные внутренности, окровавленные гарпуны, взрывающиеся на глубине бомбы, пронзительный вой сонара, огромные сети, подобные дьявольским лапам...

— Аааааааа!

Лу Тяньмин крепко обхватил его. Шэнь Цин грубо оттолкнул его. Ненависть и безумие исказили его мысли. Ненависть, ненависть... Это человек, это человек...

Он вырвался из объятий Лу Тяньмина, яростно набросился на него, пригнув к воде, и обезумевшими руками вцепился в его горло. Отвращение и жгучее безумное чувство клочкотали в его груди. Красное, красное, красное море... Даже зрение стало кроваво-красным.

Его разум горел, дёсны зудели, в горле пересохло, он с трудом сглотнул, будто слюна на кончике языка жаждала действия... Свежая кровь, свежая кровь и плоть.

— Шэнь Цин, ты с ума сошёл! Отпусти... — Лу Тяньмин выхватил поясной нож, но лезвие так и не опустилось. Лу Тяньмин боролся, цепко хватая его руки. Шэнь Цин совсем не чувствовал боли, даже тяжёлое, злое дыхание другого казалось ему далёким.

Выступил изумрудный сок. Самка богомола пожирает своего супруга. Постепенно. С головы. Откусывая самую нежную часть — голову. Мелкими укусами перемальвая конечности, пока самая сладкая кровь не просочится в рот. Разгрызая твёрдый панцирь, твёрдые кости... Едва он вонзил зубы, как почувствовал сладкий вкус крови, сладкий, как густейший мёд.

— Шэнь Цин! — в уши ворвался болезненный рёв Лу Тяньмина. Кровавое зрение помутнело, что только разозлило его. Почему он не может быть как тот самец богомола? Послушным, покорным, добровольным...

Чтобы быть съеденным своей возлюбленной.

Его язык ловил вкусную кровь, горячую, пламенную кровь. Он жаждал её, не желая терять ни капли. Почти извращённая радость в мозгу возбуждала его. Он тяжело дышал, на лице постепенно расплывался странный румянец.

Его дыхание участилось, красный цвет в глубине зрачков сгущался. Место расположения главной артерии. Ему нужно найти главную артерию. Тогда выплеснется больше всего, самой сладкой крови. Больше, больше...

Лу Тяньмин яростно вырвался из-под его контроля, тяжело дыша, схватил его за запястье, вывернул руку и прижал к земле, прохрипел:

— Ты что, сбрендил?! Внезапно напал и кусаешь...

Щекой прижавшись к траве, Шэнь Цин увидел, как кровь течёт по плечу другого. Один только вид крови заставлял его дрожать от возбуждения. Он жадно ловил воздух, уставившись на пульсирующую боковую часть шеи Лу Тяньмина. Если Лу Тяньмин поддастся, он сможет легко прокусить её, эту сильную, горячую артерию...

Лу Тяньмин впервые почувствовал такой соблазнительный, призрачный, одурманивающий до костей аромат, словно от мака. Он исходил от волос юноши, его кожи, каждого сантиметра его тела, просачивался в воздух, свежий, как только что распустившаяся тёмно-алая роза.

Даже он не мог сдержать лёгкого головокружения. Тело разогрелось, будто внутри него непрерывно горел огонь.

— Тяньмин, — шёпот, полный соблазна, с мягкой интонацией на конце.

— Не искушай меня.

Лу Тяньмин стиснул зубы. Кровь из раны на плече продолжала течь. Он собрал рассеявшуюся волю, вытащил из поясного мешочка моток нейлоновой верёвки, взятой с корабля, зажал запястье Шэнь Цина, коленом прижал его и ловко связал ему руки за спиной, туго затянув узлы.

— Не вини меня, малыш. Мне нужно, чтобы ты успокоился.

Прошло несколько часов.

Когда пылающий разум почти утих, шум в голове также постепенно стих.

Придя в себя, Шэнь Цин обнаружил, что он привязан к мачте белого парусника, всё тело обессилело. Он попытался пошевелить запястьями — они были туго скручены за спиной.

Лу Тяньмин стоял к нему спиной, что-то тихо говоря в радиостанцию, но он не мог разобрать слов. Голова сильно болела. Обломки воспоминаний смешались в кучу: бомбы, порох, красное море, кровь и лица сородичей.

Его сознание постепенно прояснялось. По мере того как боль утихала, память по кусочкам

складывалась воедино. Он вспомнил многое: семью, взрыв, Королеву, достоинство рода, заботу Лора о нём и появление Лу Тяньмина... но не мог сосредоточиться на размышлениях.

— Самое важное в партнёре — это способность заботиться о семье, чувство ответственности, умение заботиться о тебе и твоём ребёнке.

Голос Мики, словно галлюцинация, отозвался в глубине его сознания.

— Почему? Если ты захочешь ребёнка, в тот период мы будем особенно уязвимы. Если самец безответственный, всё пропало. Большинство не может выходить на поиски пищи во время беременности, их ещё и тошнит постоянно. Не волнуйся, самцы в нашем роду очень ответственны, я никогда не слышала о самце, который бросил бы свою партнёршу.

— С людьми всё иначе, — сказал другой женский голос.

— Люди — самые жестокие. Убивают себе подобных, даже своих возлюбленных.

— Верно, верно. Ни в коем случае не связывайся с людьми!

Шэнь Цин яростно потрянул головой. Звук встревожил Лу Тяньмина. Тот обернулся, опустился на одно колено, взял его за подбородок и осторожно спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Как поживают люди из семьи? — Это был первый вопрос, который вырвался у Шэнь Цина. Тут же он осознал, что связан. — Зачем ты меня связал?! Отпусти!

— Я должен был убедиться, что ты успокоился, — нахмурился Лу Тяньмин. Услышав слово «семья», он слегка расслабил сдвинутые брови. — Ты всё вспомнил?

— Какой ещё вздор? — Голова у Шэнь Цина по-прежнему болела. Он тяжело дышал, глядя на кровь на халате Лу Тяньмина. Рукав на левом плече был спущен и заткнут за пояс. Рана на плече была грубо перевязана, и кровь всё ещё проступала.

Что же произошло? Это что, сон? — в смятении и тумане думал он.

Морские волны подталкивали парусник, белая пена билась о корпус, звук прибоя наполнял округу.

— Ты действительно нигде не чувствуешь себя плохо?

— Ты пришёл, чтобы забрать меня обратно?

Они задали вопросы почти одновременно и так же одновременно замолчали. Шэнь Цин поджал губы и заговорил:

— Я не пойду с тобой обратно просто так. Я хочу узнать о деле моей мамы... и хочу вещи, которые она мне оставила. Я не отдам их кому-то другому.

— Я не буду заставлять тебя возвращаться со мной. Я буду с тобой. Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

Шэнь Цин пристально смотрел на Лу Тяньмина, пытаясь определить, искренни ли его слова.

<http://bllate.org/book/15584/1392609>